

На правах рукописи

ТИХОМИРОВ Данил Сергеевич

**ГОГОЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА**

10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Астраханский государственный университет».

Научный руководитель – *Завьялова Елена Евгеньевна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Бреева Татьяна Николаевна*, доктор филологических наук, доцент (ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доцент кафедры русской и зарубежной литературы);

Дервяшкина Алёна Петровна, кандидат филологических наук (ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», доцент кафедры русской и зарубежной литературы).

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева».

Защита состоится 20 мая 2016 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 7 апреля 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В истории русской литературы немного авторов, чьё творчество вызывало бы столь полярные отзывы, комментарии и интерпретации, как это случилось с Леонидом Николаевичем Андреевым. Набравший силу в эпоху социально-политических и культурных потрясений рубежа XIX–XX вв., творческий дар Л.Н. Андреева формируется в свете разнообразных и иногда противоречивых философских, литературных и личностных влияний, очень избирательно усваивая инородные идеи и традиции, что позволяет писателю создать собственный, во многом новаторский художественный стиль.

Исследователи и критики определяют творчество Л.Н. Андреева то как реализм с элементами модернизма (В.И. Беззубов, С.А. Венгеров, Л.А. Иезуитова), то как модернизм в его различных проявлениях (Н.А. Бондарева, И.Ю. Вилявина, К.В. Дрягин, Л.А. Иезуитова, Е.В. Иконникова, Л.Н. Кен, М.В. Козьменко, З.Г. Минц, Е.И. Петрова, В.В. Смирнов), то как модернизм с примесью реализма (А.В. Луначарский, Л.П. Гроссман, И.И. Московкина), то как синтез двух методов (Ю.В. Бабичева, Г.Н. Боева, В.А. Келдыш).

Вместе с тем Н.П. Генералова говорит об андреевском романтизме, а Л.А. Колобаева указывает на «промежуточный» характер его творчества, находящегося между романтизмом, экспрессионизмом и экзистенциализмом.

Невозможность однозначного определения творческого метода писателя подвигает исследователей (Л.А. Иезуитову, В.А. Келдыша, Е.А. Михеичеву, А.В. Татаринова и др.) на создание концепции «синтетизма» как особого творческого метода и нового качества искусства XX в. (по замечанию Г.Н. Боевой¹).

Изучая связи Л.Н. Андреева с традициями русской классики (Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, В.Ю. Гаршиным), исследователи редко доходят до автора, который, как считается в отечественном литературоведении, является одним из родоначальников того, что сегодня называют русской литературой. Мы имеем в виду Николая Васильевича Гоголя. Его творчество, как и андреевское, возникающее в эпоху перелома, в период становления новой литературы, также с трудом поддаётся классификации и имеет множество интерпретаций.

Вопрос творческого метода Н.В. Гоголя остаётся проблемным: одни связывают его тексты с пиковой тенденцией в рождении и развитии ре-

---

¹ Боева Г.Н. Идея синтеза в творческих исканиях Леонида Андреева. Воронеж, 1996. 145 с.

ализма (Г.А. Гуковский, Ф.З. Канунова), другие отмечают зависимость от влияния немецких и французских романтиков (В.В. Виноградов), третьи считают его предвосхищающим развитие модернизма и всей русской литературы XX в. (А. Белый, О.Э. Мандельштам, В.В. Набоков). В целом же к творчеству Гоголя при всей его динамической природе также применим термин «синтетизм».

Связь Гоголя с Андреевым в свете «синтетизма» крайне редко попадает в фокус исследований. Однако нить, гипотетически соединяющая писателей, уже обозначается в отдельных работах. Так, А.В. Татаринов пишет: «Для “синтетического модернизма”, наследовавшего “героические традиции” русской классики, был очень важен мистический поиск Гоголя и Достоевского, сочетавшийся с повышенным вниманием к социальному пространству... В начале XX века эти традиции были восприняты многими, по-своему – Андреевым, по-своему – Мережковским, Сологубом, Белым, создателями нового жанра, который в критике иногда именуется “неомифологическим романом”»¹.

И.И. Московкина от Гоголя ведёт генезис андреевского «маленького человека». Н.С. Скороход в биографии Л.Н. Андреева относит его к «гоголевской» ветви развития русской литературы: «Хотя едва ли, положила руку на сердце, мы сегодня можем причислить Андреева к ученикам и последователям Льва Толстого. Здесь приходят на ум иные фамилии: писатель, как правило, проходит у нас по гоголевско-достоевскому ведомству»². К схожему выводу приходит Н.А. Макарьев: «Андреев никогда не удовлетворялся гармоничным художничеством и в духе Толстого. Поэтому более близки Андрееву Гоголь и Достоевский. С первым его связывает мистицизм мировосприятия. Помещики Гоголя в “Мёртвых душах” – это не реальные социальные типы, а “фантомы” (В. Набоков). Действия персонажей – мистерии... Мистериями пронизано и творчество Андреева, характерный пример – “Стена”»³.

С появлением новых работ, посвящённых проблемам авангардизма в русской литературе, возникают более конкретные сопоставления Гоголя и Андреева в контексте эстетики авангарда. Так, в исследовании «Проза Леонида Андреева: поэтика эксперимента и провокации» Е.И. Петрова разрабатывает связи Андреева с эстетикой сюрреализма, называя в качестве его предтечи в XIX в. Н.В. Гоголя.

---

¹ Татаринов А.В. Формирование мифологического реализма в творчестве Леонида Андреева. Уфа, 1996. С. 4.

² Скороход Н.С. Леонид Андреев. М., 2013. С. 430.

³ Макарьев Н.А. Леонид Андреев и становление русского модернизма // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. 2003. № 1. С. 47–51.

Подобные попытки проследить влияние Н.В. Гоголя на творчество Л.Н. Андреева по-прежнему остаются только попытками, т.к. фактическая база по этому вопросу всё ещё мало разработана. Настоящее диссертационное исследование более подробно сопоставляет творчество обоих писателей в контексте тех литературных направлений, отголоски которых составляют природу «синтетизма» авторов: общность гоголевского и андреевского творчества мы рассматриваем в преломлении романтической, реалистической и модернистской художественных парадигм.

Долгое время остававшееся недоступным для читателя в полной мере, наследие Л.Н. Андреева теперь активно изучается. **Актуальность** работы определена растущим интересом научного сообщества к проблеме соотношения андреевской прозы с гоголевской традицией. Увеличивается масса исследований, которые указывают на отдельные общие черты в поэтиках двух писателей, не подвергая эти факты детальному критическому осмыслению и анализу. Андреевские произведения плодотворно исследуются на предмет интертекстуальных связей, изучается своеобразие «синтетического» метода писателя, но без связи с гоголевской традицией представления о генезисе и сущности андреевского творчества остаются неполными. Непонятна природа возникновения его специфического стиля, если рассматривать «пограничность» автора без обращения к более ранним примерам. В связи с этим настоящая работа актуальна и в свете изучения отечественного литературного процесса, и для развития компаративистики.

Объект нашего изучения – проза Л.Н. Андреева в контексте традиций Н.В. Гоголя.

Практическим материалом исследования стали произведения Л.Н. Андреева и Н.В. Гоголя. Для более глубокого изучения культурного контекста проанализированы труды философов XIX и начала XX в., а также художественные тексты и программные выступления ряда писателей, имеющих отношение к культурам романтизма, реализма, модернизма.

Предмет диссертационного исследования – функционирующие в поэтике Л.Н. Андреева компоненты, коррелирующие с составляющими гоголевской поэтики. Следует учитывать, что связь Андреева с традицией Гоголя в большинстве случаев не обнаруживается на уровне прямого заимствования. Иногда она осуществляется через несколько промежуточных звеньев, и некоторые из них не являются чисто литературными.

По мнению Ю.Б. Борева, «художник может испытывать влияние предшественника, с творчеством которого он даже не знаком»¹. В этом случае речь идёт об «общей традиции», когда значение одного автора настолько велико, что вокруг него «создаётся поле, воздействие которого в новую эпоху неизбежно испытывает на себе любой художник, отталкиваясь или притягиваясь, отрицая творческое кредо или продолжая традиции своего великого предшественника»². И хотя в качестве личной традиции Л.Н. Андреев признаёт влияние Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, В.Ю. Гаршина, все они, как и сам Андреев с большинством русских писателей конца XIX – начала XX в., закономерно попадают в поле традиции Гоголя, который рассредоточивает своё влияние на всю последующую русскую и мировую литературу.

В связи с этим главная **цель** данной работы – выявление и обоснование связей прозы Л.Н. Андреева с гоголевской традицией на уровне романтической, реалистической и модернистской поэтик, черты которых прослеживаются в «синтетизме» обоих авторов.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд **задач**:

1) определить, какое место в «синтетизме» Н.В. Гоголя и Л.Н. Андреева занимают онтологические, эстетические и литературные особенности романтизма;

2) выявить специфические черты в творчестве Л.Н. Андреева, которые характерны для реализма и ведут своё начало от художественного стиля Гоголя;

3) рассмотреть гоголевский компонент произведений Л.Н. Андреева в контексте философских принципов модернизма;

4) выделить сходство творчества Л.Н. Андреева как продолжателя гоголевской традиции с поэтикой немецкоязычного экспрессионизма;

5) сопоставить художественные идеи Н.В. Гоголя и Л.Н. Андреева с исканиями литературы авангардизма.

Новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые гоголевские традиции в прозе Л.Н. Андреева подвергаются системному изучению в контексте романтической, реалистической и модернистской парадигм, что позволяет выявить и объяснить ранее не обнаруженный ряд конкретных типологических сходжений на уровне текстов, уточнить характер преемственности между авторами. Результаты исследования определяются новым подходом в андрееведении: творческий метод писателя вписывается в «синтетическую» литературную традицию, одним из основоположников которой в России яв-

¹ Боров Ю.Б. Эстетика: в 2 т. Смоленск, 1997. Т. 2. С. 77.

² Там же. С. 78.

ляется Н.В. Гоголь. Нетривиальное прочтение в работе получают произведения обоих авторов, рассмотренные в контексте христианской эсхатологии, гностицизма, платонизма, иррациональной философии, авангардизма начала XX в.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что её результаты расширяют представления о месте Л.Н. Андреева в истории русской литературы, с одной стороны, и дополняют знания о влиянии Н.В. Гоголя на культуру Серебряного века, с другой. Для решения задач диссертации разработана методика исследования, по которой произведения обоих писателей сопоставляются в контексте каждого художественного направления, оказавшего влияние на их художественные стратегии. Подобный подход позволяет выявить максимальное число типологических сходжений в творчестве авторов, на первый взгляд, не связанных друг с другом.

Практическая значимость исследования состоит в том, что анализ компонентов «синтетического метода» пригоден для дальнейших исследований творчества Н.В. Гоголя и Л.Н. Андреева в свете «синтетизма». Результаты работы могут использоваться при составлении учебников и курсов истории русской литературы XIX–XX вв. для вузов, а также в практике изучения русской литературы в школе. Работа предоставляет разнообразный иллюстративный материал, который можно применить в преподавании компаративистики студентам и аспирантам гуманитарных специальностей.

Теоретическую основу исследования составили работы по проблемам литературной преемственности М.М. Бахтина, Ю.Б. Борева, Д. Дюришина, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Тынянова; посвящённые творчеству Л.Н. Андреева труды В.И. Беззубова, Г.Н. Боевой, Н.А. Бондаревой, Н.П. Генераловой, Л.А. Иезуитовой, В.А. Келдыша, И.И. Московкиной; исследования гоголеведов М.Я. Вайскопфа, В.В. Виноградова, А.Х. Гольденберга, Г.А. Гуковского, Ю.В. Манна и др., а также изыскания по литературным направлениям – Н.Я. Берковского, Р.М. Габитовой, Ю.Н. Гирина, Л.Р. Клягиной, Ж.В. Курдиной, М.Н. Липовецкого, В.М. Толмачёва.

Методы и приёмы исследования обусловлены спецификой объекта, предмета, цели и задач. Для сравнительного анализа творчества писателей используются типологический, генетический, исторический методы. Для интерпретации отдельных произведений применяются герменевтический и психологический методы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ирреалистическая сторона творчества Н.В. Гоголя и Л.Н. Андреева выражается в использовании идеи двоимирия, деформации ху-

дожественного пространства-времени и жанровых особенностей литературы ужасов, пристальном внимании к природе смерти, амбивалентности персонажей и ситуации потери собственного «Я». Эти особенности возникают под влиянием романтической культуры, подпитанной идеалистической философией с элементами иррационализма.

2. Реализм Н.В. Гоголя – это целый комплекс характеристик его художественных текстов, связанный с немецкой позднеромантической традицией и зарождающимся европейским реализмом, который возникает на фоне новой волны рационализма в философии (Г. Гегель, О. Конт) благодаря интересу к исторической науке, классицизму и Просвещению. Среди признаков гоголевского реализма: завуалированность или редуцированность фантастики, историзм, расширение диапазона социальной принадлежности персонажей, урбанистические мотивы, психологизм (в отличие от естественно-научного подхода к антропологии). Реалистические тенденции, присутствующие в произведениях Л.Н. Андреева на протяжении всего его творчества, опосредованы влиянием писателей, которые являются продолжателями гоголевской традиции психологического реализма. Руководствуясь принципом социального разнообразия в изображении жизни, Л.Н. Андреев использует и творчески переосмысляет образ «маленького человека», получающий классическое воплощение в «Записках сумасшедшего» и «Шинели» Н.В. Гоголя.

3. Эволюцией идеалистической философии, которая проходит стадии от платонизма, гностицизма, кантианства, шеллингизма до «философии жизни», экзистенциализма, психоанализа, объясняются типологические схождения в творчестве Гоголя и Андреева и целых направлений разных эпох: Н.В. Гоголь и модернизм (символизм, экспрессионизм, экзистенциализм, авангардизм), романтизм и Л.Н. Андреев, Гоголь и Андреев, романтизм и модернизм (символизм, экспрессионизм, экзистенциализм, авангардизм).

4. С немецкоязычным экспрессионизмом поэтику Н.В. Гоголя и Л.Н. Андреева роднит отражённая в произведениях атмосфера «чужести» на уровнях «человек – человек», «человек – его Я», «человек – Бог», а также идея человеческого зла, связанного с мировым злом. И для Гоголя, и для Андреева, и для экспрессионистов важны гностический сюжет поражения человека в сражении с Тьмой (материей, земным миром), идея достижения гармонии через мистическое осознание и возвращение к Богу, образ Софии-Премудрости в ипостаси блудницы.

5. Гоголь предопределяет, а Андреев выражает отдельные черты поэтики авангардизма: неразрывную связь тем смерти и рождения, мотив детоубийства как жертвоприношения, метафору полёта, падения

(«Икарыйский комплекс»), образы машины, апокалиптические мотивы, соединение образов Христа и Антихриста.

Оценка достоверности результатов исследования выявила: применены адекватные методы и приёмы исследования, объём анализируемого материала репрезентативен, поскольку включает широкий круг художественных текстов; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей Москвы, Астрахани, Кирова.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре литературы Астраханского государственного университета. По результатам исследования были сделаны доклады на следующих конференциях: «Категория телесности в структуре литературно-художественного дискурса» (г. Астрахань, 2014 г.), «Поэтика игры в структуре литературно-художественного дискурса» (г. Астрахань, 2015 г.). Содержание работы отражено в одиннадцати публикациях, в том числе в четырёх изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура и объём работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 193 наименования. Материал диссертации изложен на 196 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются актуальность избранной темы, объект и предмет исследования, формулируются цель, задачи, положения, выносимые на защиту, охарактеризованы научная новизна, методы исследования, теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость, апробация работы.

В **первой главе «Элементы романтизма в творчестве Л.Н. Андреева»** исследуется генезис и функционирование черт поэтики, составляющих понятие «гоголевский романтизм», традицию которого воспринимает и переосмысляет Л.Н. Андреев. Рассматриваются, сопоставляются возникающие в творчестве обоих писателей романтические идеи, образы, мотивы, особенности хронотопа в художественных мирах их произведений.

Параграф 1.1 «Философская основа романтизма Гоголя и Андреева: от натурфилософии до иррационализма. Эволюция иронии» посвящён анализу идеологического фундамента, которым опо-

средовано сходство гоголевской и андреевской поэтики с литературой романтической эпохи.

Романтизм как направление возникает в Германии под влиянием немецких философов-идеалистов И. Канта, И. Фихте и Ф. Шеллинга. Последний, соединяя и преодолевая учения предшественников от Платона и гностиков до Фихте, наиболее полно отражает принципы романтического искусства: двойственность мира, человека и вещей как результат двойственности Бога, субъективизм, основанный на способности «Я» к абсолютному познанию, противопоставление иррациональной, хаотической воли и гармонического Абсолюта. Как указывают исследователи, на Гоголя большое влияние оказывает концепция Шеллинга и йенских романтиков, творящих под впечатлением от его философии. Впоследствии учение Шеллинга даёт начало так называемой «философии жизни», некоторые представители которой (А. Шопенгауэр и Ф. Ницше) непосредственно влияют на формирование творческой манеры Л.Н. Андреева. Так философия Шеллинга становится «мостом», связующим две переломные эпохи в истории русской литературы – эпоху смены романтизма реализмом и Серебряный век.

Переломные исторические моменты порождают в культуре особый механизм защиты – иронию. В разные эпохи сущность иронии меняется: это зависит от специфики той парадигмы, которую она вынуждена преодолевать. Гоголевское и андреевское творчество, возникающее как раз во времена смены художественного формата, содержит в себе иронию как метод. Ирония Гоголя в ранних произведениях сходна по функции с иронией йенских романтиков, в зрелый период – с её позднеромантической модификацией, воспринятой, в том числе, от Гофмана. Ирония Андреева имеет много общего с гоголевской. В некоторых произведениях прослеживается пародирование романтической иронии, следование её установкам с точностью до «наоборот». Общее в иронии Гоголя и Андреева – отрицание животворящей силы хаоса, на которую уповали ранние романтики, признание трагичности бытия и абсурдности человеческой жизни.

В *параграфе 1.2 «Деформация пространства»* на примере конкретных произведений рассматриваются случаи искажения пространства, которые после Гоголя становятся традиционными для русской литературы. К этой традиции в своё время примыкает и Л.Н. Андреев.

Одна из примет романтического метода – концепция романтического двомирия, основанная на противопоставлении «вещи как таковой» и осязаемого явления. Если вещный мир является иллюзорным, то эстетизации йенскими романтиками подвергается мир духовный – от-

сюда их преклонение перед хаосом. Важнейшая характеристика этого хаоса – отмеченная и у Гоголя, и у Андреева деформация пространства.

По принципу противопоставления вещного духовному Л.Н. Андреев моделирует свой универсум с реальным миром и миром предчувствуемым, между которыми стоит огромная непреодолимая преграда, образ коей вынесен в заглавие рассказа «Стена». Ранее у Гоголя в фантастических произведениях пространственные метаморфозы также обнажают традиционное противоречие между бытовым и стихийным. В «Вечерах...» чем дальше описываемые события от современного Гоголю XIX в., тем сильнее обостряется это противоречие: в наиболее «старых», легендарных, произведениях цикла главные герои становятся жертвами иррациональной силы. Хаос, согласно позднеромантической тенденции, перестаёт быть объектом преклонения и становится противостоящей человеку стихией.

Сочетая в своём творчестве как романтические, позднеромантические (с оглядкой на Э.Т.А. Гофмана), так и зарождающиеся реалистические тенденции, Н.В. Гоголь стремится к снятию фантастического начала в произведении. Двомирию находится рациональное обоснование, в результате оно приобретает не мистический, а психопатологический характер. Случаи, когда пространство деформируется, раздвигается под действием неустойчивого сознания, рассматриваются на примере гоголевских («Шинель», «Записки сумасшедшего») и андреевских («Красный смех», «Мысль», «Ложь») произведений.

В параграфе 1.3 «Амбивалентность образов» анализируются признаки романтической амбивалентности, проявляющие себя у Гоголя и Андреева на уровне мотивов, системы образов и персонажей.

Писатели позднеромантического периода разочаровываются в основных положениях теории йенцев: всеобъемлющая сила «Я», способная приручить хаос ирреальности, заменяется на тёмную концепцию личности – трагически раздробленную, неоднозначную, прячущуюся под многочисленными масками, порождающую своим подсознанием плеяду темных двойников.

С этим образом связан ряд символов, отражающих суть романтического дуализма: маска, зеркало, глаза (зрение). Л.Н. Андреев, как и Н.В. Гоголь, широко использует эти мотивы. Маской их персонажи прикрывают свою тёмную сущность, отсутствие человеческой души, маска выражает безумие героев. Раздвоенность женского образа связывает наследие Гоголя с Андреевым. Женщина здесь – ангел-демон, роковая близость с ней губит персонажей-мужчин.

В «Дневнике Сатаны» Андреева распространённые романтические символы глаз и зеркала противопоставляются. Первые представляют истинную, а вторые – иллюзорную (отражённую) реальность. У Гоголя глаза, в общем случае, ассоциируются с нечистью: глаза его демонов не могут быть выразителями человеческой души, оттого так страшен их взгляд.

Зеркало в романтизме раздваивает мир и личность, что приводит смотрящего в него к безумию. Андреев мог воспринять эту мифему из учения Ницше, в котором важную роль играет фигура Диониса (легенда о безумии и смерти Диониса-Загрея). Символика зеркала у русского писателя связывается с потерей своего Я, расколом личности, проблемами самоидентификации («Смех», «Нет прощения», «Тьма», «Рассказ о Сергее Петровиче», «Красный смех», «Жизнь Василия Фивейского»).

В *параграфе 1.4 «О традициях литературы ужасов»* изучаются сходство и различия в освоении Гоголем и Андреевым специфики готического романа, к которому в своё время обращаются романтики и экспрессионисты.

Ирреальный характер литературы романтизма и модернизма, интерес к мистике и оккультизму предопределяют увлечение авторов этих эпох жанром литературы ужасов. Интерес к английскому «готическому роману» возрождают романтики (Э.Т.А. Гофман, Д. Байрон, М. Шелли, Д. Полидори, Ч. Метьюрин, Э. По, Т. Готье, ранний О. де Бальзак, Ч. Диккенс, Р. Стивенсон). У Н.В. Гоголя «ужасные» сюжеты – отчасти дань этой традиции, а отчасти следствие обращения к фольклорному материалу, который подпитывает «тёмный жанр» во все времена.

Л.Н. Андреев, близкий по мироощущению к немецкоязычным экспрессионистам, использует тему ужаса как под влиянием философво-иррационалистов, так и в русле традиции зарубежной (Э. По) и русской классической и современной ему литературы (В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, А.Н. Толстой, А.М. Ремизов, К.Д. Бальмонт, Ф. Сологуб).

У Гоголя и Андреева отсылки к литературе ужасов выражаются в постепенном нагнетании атмосферы страха. Это делается как на лексическом уровне (многочисленное повторение слов «ужас», «ужасный», «страх», «страшный», цветопись), так и на сюжетном: введение пугающих мистических образов («Вечер накануне Ивана Купаль», «Страшная месть», «Вий» у Гоголя; «Елеазар», «Красный смех», «Жизнь Василия Фивейского» у Андреева), использование саспенса как особого сюжетного приёма, наполняющего произведение атмосферой тревожного ожидания развязки.

Во второй главе «Реалистические черты в художественной картине мира Андреева» предпринята попытка выявить признаки реализма в творчестве Гоголя, обозначить их роль в становлении реалистической литературы в России, смоделировать путь, по которому они приходят в литературу конца XIX в. и воспринимаются Л.Н. Андреевым, проанализировать особенности их использования в творчестве последнего.

Параграф 2.1 «К вопросу о реализме Гоголя» посвящён поиску адекватного определения понятия «реализм» и выявлению конкретных реалистических черт в художественном стиле Н.В. Гоголя. За основную принята данная В.А. Келдышем трактовка реализма как синтеза «историзма мышления... и преобразованного (по отношению к предшественникам) антропологизма, соединения социальной причинности с надсоциальным, философски всеобщим началом мысли»¹.

Историзм мышления к Гоголю, как и к ранним французским реалистам, приходит через приобщение к исторической литературе (главным образцом становится творчество В. Скотта) и науке. Вырабатывается метод научного, более объективного, по сравнению с романтизмом, подхода к изображению в художественном произведении всех социальных слоёв и процессов. Особый антропологизм подразумевает два подхода к изучению человека в реализме: биологический (интерпретация человеческих типов как биологических видов) и духовный (раскрытие психологии личности в её попытках найти ответы на извечные вопросы бытия).

Учитывая это, можно выявить основные черты гоголевского реализма: завуалированная фантастика и спрятанная в деталях, именах и сюжете мистика двоемира; исторический интерес к изображению современной жизни, расширение диапазона социальной принадлежности персонажей, в том числе слоя «слабейших», урбанистические мотивы, использование тайны, «миражной интриги» как двигателя сюжета; психологизм на уровне изучения «природы человека» с философских позиций, отличных от позитивизма и естественно-научных концепций.

«Натуральная школа» и вытекающий из неё собственно русский реализм наследуют у Гоголя некоторые основные принципы, которые наиболее явно формируются в его творчестве, начиная с публикации «Арабесок».

В параграфе 2.2 «О некоторых особенностях реализма Л.Н. Андреева», вопреки мнению об эволюции творческого метода Андреева от

---

¹ Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М., 2001. С. 6.

реализма к модернизму, мы приходим к выводу, что компоненты этих двух направлений соседствуют в его произведениях на протяжении всех творческих этапов.

На реалистические тенденции у Л.Н. Андреева влияют как традиции русской литературы, так и особенности его творческого становления. Ранние судебные репортажи для газеты «Московский вестник», очерки и первые рассказы для газеты «Курьер» предопределяют не только социальную фактуру, но и форму её подачи.

Социальный аспект выражается у Андреева в интересе к персонажам самых разных слоёв и родов занятий. Стремление познать жизнь во всех её социальных проявлениях – это одна из особенностей русской реалистической литературы, которой она учится у Н.В. Гоголя.

В своё время Гоголь делает редуцированную фантастику приметой собственного стиля. Фантастическое у писателя часто вписано в реальность, находясь на грани сна, бреда, легенды, символа. Русские писатели вслед за Гоголем развивают этот принцип. У Андреева наиболее соответствующей реалистической традиции Н.В. Гоголя разновидностью фантастического является фантастика бессознательного («Красный смех», «Призраки», «Губернатор», «Проклятие зверя»).

Со вниманием к психике связан другой принцип, соединяющий реализм Андреева с Гоголем. От последнего идёт традиция исследования «природы человека», психических закономерностей его поведения и душевных противоречий. Внимание Гоголя сосредоточено, скорее, на архетипических образах, чем на статичных «типах» «натуральной школы». По этой линии движется реализм в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, к этой традиции примыкает Л.Н. Андреев.

Писатель использует гоголевский вариант архетипа «маленького человека». В рассказе «У окна» автор, как и Гоголь, противопоставляет свой подход натуралистической концепции и показывает, что «маленький человек» мал не оттого, что так распорядилась судьба (наследственность, окружающая среда), а оттого, что виной его положению – дикий страх перед жизнью.

В параграфе 2.3 «*Душа в типических обстоятельствах*» анализируются роднящие Андреева с Гоголем типичные ситуации, в которые они помещают своих персонажей. От Гоголя через русский реализм идёт традиция изображать человека перед лицом бытийных проблем: потери собственного Я (цикл «Петербургских повестей» Н.В. Гоголя; «Оригинальный человек», «Нет прощения» Л.Н. Андреева), абсурд-

ности, бессмысленности смерти («Старосветские помещики», «Мёртвые души», «Шинель» Гоголя; «Жили-были», «Большой шлем», «В подвале» Андреева), одиночества («Шинель» у Гоголя; «Ангелочек», «В Сабурове», «Валя», «Друг», «На станции», «Весенние обещания» у Андреева).

В третьей главе «**Леонид Андреев и модернистские тенденции в литературе**» Н.В. Гоголь рассматривается как предтеча модернистских направлений, к которым относят творчество Л.Н. Андреева. Сопоставляются философские и стилистические схождения модернистского характера в творчестве обоих писателей.

Параграф 3.1 «Гоголевская традиция у Андреева в контексте философских истоков модернизма» даёт представление о закономерном формировании модернистского мировоззрения из романтической философии.

Начала раннего, позднего романтизма и реализма, присутствующие как единая субстанция в «синтетизме» Н.В. Гоголя, развиваются параллельными путями в культуре XIX в. От «тёмного романтизма» Ш. Бодлера (Э.Т.А. Гофмана, Э. По, Т. Готье) ведёт историю импрессионизм П. Верлена и символизм А. Рембо, М. Метерлинка, Г. Ибсена – литературных предвестников модернистской эпохи.

В философии для наступления эпохи модернизма многое делают иррационалисты, противостоящие гегельянской вере в возможности разума познать мир. А. Шопенгауэр и С. Кьеркегор говорят о человеческой жизни, наполненной страданием, которое необходимо преодолеть. Пафос обновления, борьбы со старой культурой приходит в модернизм благодаря творчеству Ф. Ницше. Психоаналитическая философия З. Фрейда и К. Юнга углубляет знания о человеческой психике и вновь пробуждает интерес к проблеме души. Мыслителей привлекает идея И. Канта о непознаваемости настоящего мира, «вещи-в-себе». Многие из них вдохновляются учением Ф. Шеллинга с его платоническими и гностицистскими влияниями.

В литературе новый период обозначается интересом к иррациональной романтической культуре, европейскому символизму, с одной стороны, и творчеству Ф.М. Достоевского (с влиянием на Ф. Ницше, экспрессионизм, экзистенциализм) – с другой. Наследники гоголевской традиции, они несут в своих произведениях гуманистический заряд реализма с большой долей психологизма и вниманием к трагичности человеческой жизни.

Л.Н. Андреев, как и Н.В. Гоголь в своё время, вбирает и перерабатывает множество идей, не делая для себя ведущей ни одну из них.

И психологический реализм Достоевского, и психоаналитика Фрейда, и иррационалистские философские основы модернизма, и интерес к позднему романтизму с символизмом – всё это парадоксальным образом вмещают его произведения. На предмет этого совмещения в параграфе анализируются рассказы «Проклятие зверя» и «Бездна».

Немецкоязычный экспрессионизм, в котором находят сходство с поэтикой Л.Н. Андреева, имеет те же генетические связи с романтической традицией, что и творчество Н.В. Гоголя. Анализу общих черт посвящён *параграф 3.2 «Андреев и Гоголь в свете проблем экспрессионизма».*

Экспрессионизм как литературное явление стоит на границе двух парадигм. Направление соединяет апокалиптическую атмосферу авангардизма с трагическим ожиданием конца старого мира, распространённым в модернизме. Экспрессионизм не отрицает традицию, подобно авангарду, а стремится к её модернизации, до предела заостряя эмоциональное выражение старых идей.

Экспрессионисты находятся с творчеством Гоголя в отношениях преемничества. Русский писатель синтезирует в своём творчестве те же базовые направления (гностицизм, поздний романтизм), на которые опирается экспрессионизм. С другой стороны, гоголевская традиция сама влияет на формирование модернистской парадигмы как в русской, так и в зарубежной литературе и философии. Во многом благодаря контакту с этой традицией Л.Н. Андреев вводит экспрессионистские тенденции в своё творчество раньше, чем сами экспрессионисты Германии и Австрии.

Страх перед большим городом, отчуждение человека от Бога, общества и самого себя, предощущение катастрофы, Апокалипсиса, трагичность бытия, амбивалентность мира и личности, сумасшествие как следствие отторжения человека от мира – всё это мы находим не только в опусах экспрессионистов, но и в произведениях Гоголя и Андреева. Влияние гностицизма здесь проявляется в образе злого Бога (Рока у Андреева, демонической силы у Гоголя), поражении человека в борьбе с силами материи, которое на самом деле позволяет истинному Богу одержать победу (сопоставляются повесть «Вий» и андреевский рассказ «Тьма»), а также в мотиве откровения, через которое человек преодолевает влияние демонов и соединяется с Богом («Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь», общий замысел «Мёртвых душ» Гоголя; «Тьма», «Валя», «Елеазар», «Предстоля кража» и др. Андреева).

В *параграфе 3.3 «О предвосхищении авангардизма в творчестве Гоголя и его развитии в прозе Андреева»* Н.В. Гоголь рассма-

тривается как предвестник, а Л.Н. Андреев – как выразитель поэтики литературного авангардизма. В авангарде рождение нового мира возможно только через уничтожение старого, поэтому тема детства здесь связана со смертью (убийство детей в «Страшной мести», пугающийся ребёнок в «Ночи перед Рождеством» ассоциируются с библейским избиением младенцев; связь рождения и смерти находит яркое выражение в рассказе Андреева «В подвале»).

Танатологический код вообще характерен для поэтики авангардизма. В особых случаях он сочетается с «Икарыйским комплексом», выраженным в мотиве полёта, в образе падающей птицы, авиатора. «Птица-тройка» из «Мёртвых душ» и самолёт из андреевского рассказа «Полёт» связаны с платоновской философией и могут быть интерпретированы в контексте его образа «колесницы души», по которой человек покидает мир вещей и отправляется в путешествие в идеальный мир. Всё это путешествие имеет эротический характер. Сам путешественник у писателей носит одновременно черты Бога и дьявола (двойственность образа Чичикова, отсылки андреевского героя к мифу о Люцифере).

С мотивом полёта в авангарде связаны образы машины и скорости вообще. У Гоголя, с одной стороны, скорость – атрибут «нечистой силы», с другой – восхищение транспортными механизмами. У Андреева, и в этом его близость с экспрессионизмом, машины обретают негативную коннотацию (например, поезд и упоминания машины в рассказе «Молчание»).

В **заключении** диссертационного исследования подводятся итоги и формулируются выводы о характере связи Л.Н. Андреева с гоголевской традицией. Сопоставление поэтик Н.В. Гоголя и Л.Н. Андреева по каждому из компонентов их синтетического метода позволяет выявить ранее ускользающие от внимания моменты в определении их места в литературном процессе. Сам принцип анализа произведений авторов-синтетистов, работающих в пограничные эпохи, можно применить при анализе произведений других русских и зарубежных писателей, идентификация творческих методов которых по-прежнему затруднена. В будущем, с накоплением достаточного количества исследований по данной проблеме, станет возможным обозначить и изучить особую традицию синтетизма в зарубежной литературе, более точно определить её специфические черты, что значительно расширит наши представления о мировом литературном процессе.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Тихомиров, Д.С. Черты романтической поэтики в творчестве Н. Гоголя и Л. Андреева / Д.С. Тихомиров // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 4. – С. 94–99 (0,72 п.л.).
2. Тихомиров, Д.С. О предвосхищении поэтики авангардизма в творчестве Н. Гоголя / Д.С. Тихомиров // Вопросы литературы. – 2014. – № 4. – С. 239–252 (1,39 п.л.).
3. Тихомиров, Д.С. Проза Л. Андреева в контексте литературы ужасов / Д.С. Тихомиров // Каспийский регион. – 2015. – № 1. – С. 308–314 (0,45 п.л.).
4. Тихомиров, Д.С. Н. Гоголь и Л. Андреев. Большие проблемы «маленького человека» / Д.С. Тихомиров // Каспийский регион. – 2015. – № 2. – С. 351–358 (1,39 п.л.).

*Статьи в сборниках научных трудов и материалов
научных конференций*

5. Тихомиров, Д.С. Потеря собственного «Я» как движущий мотив «Петербургских повестей» Н. Гоголя / Д.С. Тихомиров // Жанр. Стиль. Образ: актуальные вопросы современной филологии: межвуз. сб. ст. / науч. ред. Д.Н. Черниговский, Е.И. Беглова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. – С. 28–31 (0,72 п.л.).
6. Тихомиров, Д.С. Л. Андреев. Метаморфоза пространства и деформация сознания / Д.С. Тихомиров // Philologiana: лингвистика и литературоведение: сб. ст. молодых исследователей / под ред. М.В. Сандаковой, Д.Н. Черниговского, О.В. Редькиной. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – С. 129–133 (0,56 п.л.).
7. Тихомиров, Д.С. Конфликт телесности и духовности в рассказе Л. Андреева «Бездна» / Д.С. Тихомиров // Категория телесности в структуре литературно-художественного дискурса: материалы заоч. Междунар. науч. конф. (г. Астрахань, 21–22 апр. 2014 г.) / под ред. проф. Г.Г. Исаева; сост.: Е.Е. Завьялова, Т.Ю. Громова, Д.М. Бычков, Е.Н. Бадалова. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2014. – С. 106–108 (0,22 п.л.).
8. Тихомиров, Д.С. Ситуация коммерческой игры в контексте литературной традиции (по рассказу Л. Андреева «Большой шлем») / Д.С. Тихомиров // Поэтика игры в структуре литературно-художественного дис-

курса: материалы регион. науч. конф. (г. Астрахань, 24 апр. 2015 г.) / под ред. Г.Г. Исаева; сост.: Е.Н. Бадалова, А.А. Боровская, Д.М. Бычков, Т.Ю. Громова, Е.Е. Завьялова. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2015. – С. 122–124 (0,34 п.л.).

9. Тихомиров, Д.С. Дьявол / Д.С. Тихомиров // Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / под ред. Д.М. Бычкова, Е.Н. Бадаловой. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2014. – С. 56–58 (0,12 п.л.).

10. Тихомиров, Д.С. Сон // Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / Д.С. Тихомиров / под ред. Д.М. Бычкова, Е.Н. Бадаловой. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2014. – С. 192–194 (0,12 п.л.).

11. Тихомиров, Д.С. Чёрт // Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / Д.С. Тихомиров / под ред. Д.М. Бычкова, Е.Н. Бадаловой. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2014. – С. 252–254 (0,12 п.л.).

ТИХОМИРОВ Данил Сергеевич

ГОГОЛЕВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПРОЗЕ Л. АНДРЕЕВА

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 23.03.16. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,1 . Уч.-изд. л. 1,3. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27